

УДК 101.8 + 159.922

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ НАЧАЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ Б. Ф. ПОРШНЕВА

В. В. Глущенко

Краснодарский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 16 августа 2016 г.

Аннотация: автор рассматривает уникальную концепцию начала человеческой истории Б. Ф. Поршнева с точки зрения актуальных проблем социальной философии. Отмечается ее значение для развития исторического метода, а также поиска новых подходов к решению социальных проблем.

Ключевые слова: историзм, начало человеческой истории, дивергенция, этика, мышление.

Abstract: the author views unique concept of the Beginning of Human history by Soviet scientist B. F. Porshnev from the standpoint of actual socio-philosophical problems. He notes its importance for the development of the historical method and for the new approaches' searching to solving social problems.

Key words: historicism, Beginning of Human history, divergention, ethic, thinking.

Одной из задач своей книги «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» (сокр. изд. – 1974, полное изд. – 2007) Б. Ф. Поршнев видел предложение альтернативы усиливавшейся на протяжении всего XX в. (и не изжитой до сих пор) «тенденции ликвидировать историзм в науках о человеке» [1, с. 16]. И действительно, его книга – поистине методологический гимн историзму. В нашей статье мы покажем, почему обсуждение концепции Поршнева представляется нам важным даже спустя без малого полвека после ее выдвижения. А для этого рассмотрим ее с точки зрения актуальных проблем социальной философии.

Книга является второй и единственной реализованной частью задуманной Поршневым еще в юности трилогии «Критика человеческой истории». Первой частью трилогии должно было стать философское обоснование труда, сжатое в книге до первой главы. Рассматривая всемирную историю как «единый, цельный процесс» [там же, с. 23], Поршнев, прежде всего, выдвигает и обосновывает тезис *ускорения исторического прогресса*.

За последние десятилетия было много сказано об «ускорении исторического времени» и «сингулярности» [2–8 и др.]. Эта тема в равной степени привлекла внимание как историков, так и физиков и математиков. Выдвигались разные версии причин, вызывающих ускорение, высчитывались разнящиеся коэффициенты, но сам факт ускорения истории

сегодня никем не оспаривается, и «закон ускорения исторического времени» вошел в рекомендованные Министерством образования вузовские учебники [9].

Важно отметить, что все без исключения работы, с которыми нам довелось ознакомиться, рассматривают ускорение истории в отрыве от идеи прогресса. Они либо прямо отрицают идею прогресса, либо о ней не вспоминают, те и другие предпочитают не называть имени первооткрывателя «ускорения темпа истории» [1, с. 23]. Иногда в связи с идеей «ускорения исторического времени» вспоминают Энгельса, однако у последнего в «Диалектике природы» речь шла об «истории развития организмов», а не общества [10, с. 620].

Но без идеи прогресса объяснить ускорение истории невозможно. Если бы дело было в увеличении числа событий на единицу времени и том, что каждый последующий период истории короче предыдущего, но качественных изменений в человеке и обществе при этом не происходило, то никакая сингулярность уже не исправила бы того, что история лишена внутреннего субъекта, представляет из себя объект для спекуляций, а источник ускорения истории – вне ее самой. Так что же ускоряется: время или прогресс? И как эта проблема связана с проблемой начала человеческой истории?

Время существует как физическая величина и как философская категория. За изменением физической величины времени следит Служба времени, которая ежедневно измеряет разность между эталонным всемирным временем и атомным временем. Поэтому, когда в 2011 г. из-за мощного землетрясения в районе Японских островов земная ось сдвинулась с места и в результате наша планета стала вращаться на малые доли секунды быстрее, это не прошло незамеченным. Как философская категория, т.е. форма последовательной смены явлений и длительность состояний материи, время, очевидно, тоже может ускориться. Но чтобы говорить о таком ускорении в отношении истории человечества, не впадая в противоречия, требуется признать историю *социальной формой движения материи*. А это само по себе означает признание исторического прогресса. В то же время, пока исторический прогресс рассматривается как более или менее равномерное движение, проблему начала истории еще можно не замечать, но, признав его ускорение, приходится думать о том времени, когда скорость прогресса была нулевой. Идею ускорения исторического прогресса можно рассматривать как завершающий момент в становлении исторического метода.

Поршневу критикует попытки выделить «однозначный отличительный атрибут человека на всем протяжении его истории» [1, с. 23]. Во Введении он пишет: «Изменения общества были вместе с тем изменениями людей, разумеется не их анатомии, но их психики, которая социальна во всем, на всех своих уровнях. Подставлять себя со своей субъективностью на место субъектов прошлого – форма антропоморфизма». При этом последовательный историзм неизбежно «приводит к тезису: на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только

не сходен с современным человеком, но и представлял его противоположность» [там же, с. 40]. Только в этом случае мы вправе говорить о развитии истории.

Для формирования понятия начала истории важны оба полученные в результате предварительного анализа определения: человеческая история как ускорение и как превращение противоположностей. При этом человеческая история – превращение противоположностей в двух смыслах: она не только *разворачивается* как превращение противоположностей, но и *возникает* в результате превращения противоположностей.

Исходная посылка книги Поршнева – антиномия: «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического». Для ее решения предлагаются две последовательные инверсии. Идея инверсии выражается в формуле: «некое качество (А/В) преобразуется в ходе развития в свою противоположность (В/А), – здесь все не ново, но все ново». Книга посвящена раскрытию первой инверсии – преобразованию «животной природы в такую, с какой люди начали историю». Раскрытие второй инверсии – переворачивание в ходе истории этой природы в свою противоположность – должно было составить содержание третьей, оставшейся, как и первая, нереализованной, книги трилогии. Ее отдаленные контуры можно угадать в статье «Контрсуггестия и история» [11]. Но и на материале единственной написанной книги мы можем представить ряд выводов, актуальных уже тем, что преобразование в противоположность всё еще не завершено, и мы, люди, всё еще «влачим немало наследства древности» [1, с. 13–14].

В самом начале девятой главы «Дивергенция троглодитов и гоминид» Поршнева снова задается вопросом «об отличительных признаках человека, которые даны опытом истории и не могли бы быть “в другом смысле” распространены на животных» [там же, с. 380], и находит два таких признака: 1) систематическое взаимное внутривидовое умерщвление и 2) способность к абсурду. Раскрывая эти признаки, он разворачивает перед читателем захватывающую картину дивергенции. Главный практически значимый для социальной философии вывод, который можно сделать из книги Поршнева, заключается в том, что всякая эксплуатация человека человеком, всякий социальный паразитизм, всякое проявление ксенофобии и бессознательной агрессии в человеческих отношениях суть пережитки отношений дивергенции, т. е. отношений еще не между человеком и человеком, а между человеком и его предковым видом – палеоантропом, от которого человек в ходе дивергенции «отшнуровался». Пока эти пережитки сохраняются, общество еще не является человеческим обществом в собственном смысле, т.е. обществом, признающим всех своих членов *людьми*, но является обществом, в котором одни люди для других людей – *не-люди*.

О том, что история человечества до сих пор лишь его «предыстория», марксисты знали и раньше, марксист Поршнева конкретизировал это знание. Но это еще не всё. Предложив научное описание палеопсихики, Поршнева вывел образ действительно существовавшего на заре истории

«античеловека», чем дал предпосылку для развития этики, – до сих пор бывшей чисто философской, зависящей от мировоззрения, дисциплиной, – как объективного научного знания. Это создает совершенно новый подход к этическим проблемам.

Познание, по Поршневу, есть «дезабсурдизация» абсурда [там же, с. 380–381]. Последний изначально заложен в глубокой основе всякого социального взаимодействия в форме дипластии – физиологической основы знакового общения. Логика – отрицание абсурда. Отрицание, но еще не снятие, не «отрицание отрицания». Абсурд сохраняется и при самом безупречном логическом мышлении как иррациональное общее основание, на которое только и может опираться мышление, от которого оно отталкивается, но не в состоянии оторваться, как не в состоянии контрсуггестия оторваться от суггестии, личность – от общества. Мышление, будучи редуцированной речью, не в состоянии оторваться от *слова*, которое являет собой наиболее чистый пример абсурда, отождествляя нетождественные вещи: слово и вещь как таковую. Связь между словом и вещью создается самим словом, она существует и не существует одновременно.

На древнейшей, суггестивной стадии развития человеческой психики слова еще не обозначали вещи, но сами вещи обозначали слова, в то время как слова выражали на практике человеческую общность – «мы». Само понимание речи другого индивида свидетельствует о наличии общности с ним, хотя эта общность и не осознается. О познании на этой стадии говорить не приходится, отражение окружающей среды осуществлялось по каналам первой сигнальной системы, т.е. без помощи знаков, рефлексивно [там же, с. 430–431]. История познания по Поршневу начинается с того, что вещи становятся господами слов («вторжение вещей»). Теперь, с развитием контрсуггестии, слова начинают обозначать вещи. «Вторая сигнальная система сигнализирует им и о них» [там же, с. 459]. То есть вещам и о вещах. Но это значит, – и это еще один значимый для социальной философии вывод из теории Поршнева, – что и сам человек растворяется в мире вещей. Развитие методов контрсуггестии [11, с. 16–27] у Поршнева, таким образом, соответствует периоду подготовки, становления и развития классового общества, в котором человек сведен к вещи. История познания по сей день связана с вещьностью человека, отношением к нему как вещи, т.е. *средству*. Человек в качестве действительной *цели* познания существует только абстрактно, или, говоря словами марксистской классики, самоотчужден [12, с. 39].

В другом месте Поршнев пишет: «Мы уже не раз определяли категорию значения как то, что обще двум знакам одного явления. Категория значения еще не вполне переводит нас из мира суггестии в мир познания. Однако вместе с нею уже появляются некоторые из тех трудностей, которые познание будет преодолевать. А именно – значение осуществляет выделение денотатов из безграничной взаимосвязанности вещей, и тем самым оно обособляет и изолирует “явления” (предметы, факты, события, элементы окружающего мира). В этом мире, где “все связано со всем”, ум вычленяет и конструирует единицы – денотаты. Разумеется, в

этом таится величайшая односторонность и искажение, не меньшие, чем обратный грех второй сигнальной системы – фантастическое сдваивание в дипластии никак не связанных друг с другом явлений. В дальнейшем развитие мышления и логики будет неустанно преодолевать рассечение мира эквивалентными, т.е. взаимозаменяемыми знаками на разные изоляты: оно будет находить связи рассеченных явлений – каузальные и структурные. Пока нам важно, что именно значения дробят мир на “кирпичи”» [1, с. 470–471].

Таким образом, Поршнев дает понять, хотя и не говорит об этом прямо, что переход к следующей стадии развития общества, как и все предыдущие социальные перевороты, он связывает с изменениями в человеческой психике. А именно – с такими изменениями, которые освободят ее от обоих «грехов» второй сигнальной системы. Причем «следующий, еще более высокий уровень разума», по Поршневу, начнется, «если будет научно доказана однократность объекта познания, в частности человеческой истории» [там же, с. 477]. Краеугольным камнем в построении такого доказательства и должна послужить наука о начале человеческой истории.

В заключение подытожим наши выводы. Прежде всего, концепция Б. Ф. Поршнева восстанавливает пошатнувшийся авторитет исторического метода и завершает его формирование. Главный практический вывод, который мы можем из нее почерпнуть, заключается в том, что всякая эксплуатация человека человеком, всякий социальный паразитизм, всякое проявление ксенофобии и бессознательной агрессии в человеческих отношениях суть пережитки отношений дивергенции, т.е. отношений не между людьми, а между человеком и его предковым видом. Принятие этого вывода позволяет по-новому взглянуть на многие застарелые проблемы общества и искать новые пути для их разрешения. Наконец, третий социально-философский вывод, который позволяет сделать работа Поршнева, состоит в понимании, что современный человек стоит на пороге нового уровня разума, что изменения в его психике также необходимы и неизбежны, как и изменения в технике.

Литература

1. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнев. – СПб. : Алетей, 2007. – 720 с.
2. *Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней / И. М. Дьяконов. – М. : Вост. лит., 1994. – 384 с.
3. *Капица С. П.* Сколько людей жило, живёт и будет жить на земле. Очерк теории роста человечества / С. П. Капица. – М. : Наука, 1999. – 136 с.
4. *Капица С. П.* Об ускорении исторического времени / С. П. Капица // Новая и новейшая история. – 2004. – № 6. – С. 3–21.
5. *Капица С. П.* Демографическая революция и будущее человечества / С. П. Капица // В мире науки. – 2004. – № 7. – С. 82–91.
6. *Кортаев А. В.* Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны / А. В. Кортаев, Н. Л. Комарова, Д. А. Халтурина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : УРСС, 2007. – 224 с.

7. Панов А. Д. Сингулярная точка истории / А. Д. Панов // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 122–137.

8. Проблемы периодизации исторических макропроцессов : [сборник] / С. П. Капица, А. Д. Панов, С. Н. Гринченко [и др.] // История и Математика. Альманах. – М. : КомКнига, 2006. – № 1. – 168 с.

9. Кравченко А. И. Социология : общий курс : учеб. пособие для вузов / А. И. Кравченко. – М. : ПЕРСЭ : Логос, 2002. – 640 с.

10. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М. : Гос. изд. полит. лит., 1961. – Т. 20. – С. 343–626.

11. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) / Б. Ф. Поршнев // История и психология : [сборник] / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. – М. : Наука, 1971. – С. 7–35.

12. Маркс К. Святое семейство / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М. : Гос. изд. полит. лит., 1955. – Т. 2. – С. 3–230.

Краснодарский государственный институт культуры

Глущенко В. В., аспирант кафедры философии, политологии и права

E-mail: kutx2001@mail.ru

Тел.: 8-918-175-06-70

Krasnodar State Institute of Culture

Glushchenko V. V., Post-graduate Student of the Philosophy, Political Science and Law Department

E-mail: kutx2001@mail.ru

Tel.: 8-918-175-06-70